

Социальная политика и народосбережение <https://spjournal.ru/>
Journal of Social Policy, Population Preservation and Reproductivity

2023, Том 2, № 3 / 2023, Vol. 2, Iss. 3 <https://spjournal.ru/issue-3-2023.html>

URL статьи: <https://spjournal.ru/PDF/06SPN323.pdf>

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Ссылка для цитирования этой статьи:

Уваров, И. А. Трансформация формы организации пенитенциарного сообщества / И. А. Уваров // Социальная политика и народосбережение. — 2023. — Том 2. — № 3. — URL: <https://spjournal.ru/PDF/06SPN323.pdf>

For citation:

Uvarov I.A. Transformation of the form of organization of the penitentiary community. *Journal of Social Policy, Population Preservation and Reproductivity*. 2023;2(3): 06SPN323. Available at: <https://spjournal.ru/PDF/06SPN323.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)

Уваров Игорь Алексеевич

ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Ставрополь, Россия

Доцент кафедры «Уголовного права и криминологии»

Кандидат юридических наук, доцент

E-mail: uvarov.igor@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2678-7505>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=456707

Трансформация формы организации пенитенциарного сообщества

Аннотация. Наказание в виде лишения свободы, традиционно относится к наиболее проблемной форме социальной деятельности. Одной из главной проблемы, в специальной литературе выделяют наличие так называемого — пенитенциарного сообщества. Данная социальная общность оказывает негативное влияние не только на жизнедеятельность контурного осужденного в условиях закрытого пенитенциарного социума, но и создают условия, при которых реализация данного вида наказания, приобретает исключительно негативный характер. Попытка разрешить проблему противодействия исправительному процессу со стороны представителей пенитенциарного сообщества, пенитенциарные криминологии и социологи не смогли однозначно установить его природу. В литературе сформировалось два разных концептуальных подвода к определению природы пенитенциарного сообщества. Автор статьи, относится к тем ученым, которые полагают, что пенитенциарное сообщество, было сформировано не самими осужденным, а представителями правоохранительных органов с тем, чтобы осуществлять контроль за криминальноактивной частью населения страны. В качестве исходного посыла, автором была выбрана работа известного русского философа И.А. Ильина, в которой он предложил рассматривать социальные общности по природе их образования исходя из социального назначения — «учреждение» или «корпорация». В статье предпринята попытка применить предложенный И.А. Ильиным концептуальный подход. В следствие проведенного анализа, автор, пришел к заключению, что на этапе становления (формирования) пенитенциарного сообщества, в качестве базового принципа использовалась — «формальная демократия». Осужденные входящие в пенитенциарное сообщество, были своеобразными представителями всего пенитенциарного социума — «корпорация». Однако с течением времени, когда социально-экономические отношения в государстве стали изменяться, в организации пенитенциарного сообщества, стали прослеживаться тенденции к трансформации — «учреждение».

Ключевые слова: пенитенциарное сообщество; пенитенциарный социум; организация пенитенциарного сообщества; формирование пенитенциарного сообщества; социальная природа пенитенциарного сообщества; трансформация организации пенитенциарного сообщества; тенденции

Анархия не лечится каторгой...

Каторга не оздоравливается анархией

И.А. Ильин

В отечественной пенитенциарной социологии существует несколько концептуальных подходов в определении природы пенитенциарного сообщества. Они сводятся к утверждениям о том, что данное сообщество было стихийно сформированным социальным образованием, на основе принципов самоорганизации осужденных или созданным правоохранительными структурами, для борьбы с преступностью. Являясь сторонником второго концептуального подхода, я осуществлял поиск подтверждения этой гипотезы что привело меня к статье И.А. Ильина «Что есть государство — корпорация или учреждение?» [1, с. 23–30]. В отечественной литературе практически считается аксиомой, что пенитенциарное сообщество («преступный мир», «социальная среда осужденных» «пенитенциарный социум» и т. п.), является — «государством в государстве» [2]. Значит все, что свойственно государству, как самостоятельному социальному образованию, должно быть свойственно и пенитенциарному сообществу. Важным для нас, является то, что наличие такого социального образования как пенитенциарное сообщество признают все, вне зависимости от их отношения к отечественной системе уголовных наказаний.

Мы умышленно уходим сейчас от вопроса, который активно обсуждается на страницах специальной и «не специальной» литературы — «система неформальных отношений среди осужденных, переживает кризис». Это явление можно рассматривать как объективное, коль скоро оно неразрывно связано с проблемами государства в целом. Но объективный характер этого процесса находится в прямой зависимости от нашего представления о пенитенциарном сообществе, принципом организации которого в любом случае должны быть только неформальные отношения скальвающиеся (формирующиеся и/или формируемые), в специфическом закрытом пенитенциарном социуме.

Основная причина неточностей, которые допускают исследователи, заключается в том, что сообщество стало следствием реализации принципа — совместного общежития осужденных, так называемой «тюремной общины» [3; 4]. Община складывалась стихийно, на основе личных симпатий между отдельными осужденными или группами. Ее, скорее всего можно считать прототипом современного тюремно-клонийского понятия — «семья». Личные симпатии никогда не были, да и не могли быть источником формирования общих взглядом людей на социально-значимые процессы и явления. В противном случае нам пришлось бы констатировать, что пенитенциарный социум, на сегодняшний день единственная социальная общность, которая построена по принципу «формальной демократии».¹ «Идея “формальной

¹ Во время моего выступления на конференции в Нижнем Новгороде, одни из присутствующих профессор сказал: «Вас послушать, так в тюрьме реальная демократия?». Не суть важно, что я ответил на этот вопрос. Важно, что в нем прозвучал очень важный тезис, который формирует у людей, не имеющих отношение к пенитенциарной сфере представление о том, что пенитенциарное сообщество, это некий консолидирующий орган, который формируется в пенитенциарном социуме посредством каких-то специфических (формально демократических) форм волеизъявления большинства. Отсюда и бытующая в литературе концепция, что это важный элемент «самоорганизации осужденных».

демократии”, выдвинутая за последние полтора года в качестве всемирной политической панацеи (всеисцеляющего средства), — по мнению И.А. Ильина, — уже привела целый ряд государств, а за ними и все остальное человечество, к величайшим затруднениям и бедствиям и уперлась в выросший из ее последовательного осуществления тоталитарный строй» [1, с. 24].

Нельзя отрицать, что изначально существовавшая неформальная система консолидации определенной части осужденных формировалась исключительно на демократических принципах (с поправкой на те представления, которые были в сознании большинства арестантов). Но это, ни в коем случае не могло устроить «строителей социализма», для которых важным было «массовое», а не «индивидуальное» сознание. Необходимость управлять большой массой людей, отбывающих наказание в виде лишения свободы, требовало и большого количества сотрудников, осуществлявших за ними надзор (на уровне самостоятельной концепции мы рассматривали этот вопрос в другой публикации) [5]. Формально «демократический» принцип мог играть объединяющую роль только лишь на начальном этапе строительства пенитенциарного сообщества. Принцип «общности судьбы» предложенный Л.Н. Гумелевым, как нельзя лучше отражает сущность объединяющих осужденных в пенитенциарное сообщество факторов или по Л.Н. Гумилеву — «условие, без которого нельзя». В частности, он пишет: «...рождению любого социального института предшествует объединение какого-то числа людей, симпатичных друг другу. Начав действовать, они вступают в исторический процесс, сцементированные избранной ими целью и исторической судьбой. Как бы ни сложилось их будущее...» [6, с. 19].

То, что в действительности произошло с пенитенциарным сообществом за последние пятнадцать-двадцать лет, является собой системный кризис, внутригрупповых форм отношений, прежде всего крайне негативного характера. «Крайняя негативность», заключается в том, что независимо от того к какой категории осужденных относится представитель пенитенциарного сообщества, он оценивает его именно негативно. Ради объективности, можно попытаться подвергнуть анализу и отношения к этим изменениям сотрудников исправительных учреждений. Их анкетирование и интервьюирование, проведенное нами, дает возможность усомниться в незыблемости системообразующих факторов пенитенциарного сообщества [7]. Парадокс ситуации, заключается в том, что отрицательную оценку кризису системы отношений, сотрудники видят именно в том, что утеряна возможность управления в первую очередь лидирующей «верхушкой» пенитенциарного сообщества.²

Формально-демократическая форма организации пенитенциарного сообщества, номинально провозглашаемая в качестве базового постулата, позволяла каждому осужденному (исключение могут составлять лишь осужденные, относящиеся к так называемой категории — «отвергаемых»)³ соблюсти определенную меру «свободы духа». «Дух истинного арестанта», независимо от того, к какой стратификационной группе относился осужденный, был основой для объединения пенитенциарного сообщества. Поэтому, к какой бы форме организации оно не относилось («независимой» или «мобилизационной» [8]), осужденный ощущал себя частью этого социального образования (пенитенциарного социума прежде всего). Как только стала

² Эту мысль, я пытался включать в структуру гипотезы в докторской диссертации. Именно она вызывала больше всего нареканий со стороны рецензентов, полагавших, что не может администрация исправительных учреждений поддерживать существование пенитенциарного сообщества.

³ Здесь необходимо уточнить, что лидеры пенитенциарного сообщества понимали, необходимость соблюдения принципа формального равенства и в отношении этой категории осужденных. Отсюда повсеместная практика, назначать в среде «отвергаемых» осужденного, через которого должны осуществляться контакты с основной массой отбывающих наказание. Таким образом, решалось две прямо противоположные (взаимоисключающие) задачи не нарушался фактический запрет на общение с категорией «отвергаемых», и при этом они не были исключены из системы внутригруппового общения в среде осужденных.

наблюдаться потеря этого объединяющего начала, все сильнее стали проявляться центробежные механизмы, разъединяющие пенитенциарный социум на отдельные группы. Хорошим примером этому может служить результаты диссертационного исследования С.Ю. Зязина, который установил, что в последние десятилетия активно осуществляется консолидация осужденных на основе этно-религиозного фактора.⁴ Осужденные, стали испытывать определенное разочарование в формально-демократической форме, не находя при этом никаких иных консолидирующих форм.

Этот феномен стал проявлять особенно явно, в середине 90-х годов. Отечественные пенитенциарные социологи и криминологи, занятые в этот период проблемами физического выживания, не смогли дать объективную оценку этому факту. В литературе это принято называть борьбой «воров в законе», представителей так называемых «старой и новой формации» [8; 9]. Посыл изначально неверный, ибо, не только (вернее не столько) они («воры в законе») определяли принцип формирования пенитенциарного сообщества. Одной воли лидеров (в данном случае не только «воров в законе»), было недостаточно для реализации любых идей, здесь необходимы и другие факторы (механизмы). Прежде всего, та сила, с помощью которой лидеры могли воздействовать на весь пенитенциарный социум, который в тот период времени, активно фрагментировался. Забегая вперед, нужно сказать, что этот процесс им так остановить и не удалось.

Попытка концептуально понять разрешение этой проблемы и привела нас к работам И.А. Ильина, по мнению которого государство, как многоголовый (или совокупный) субъект, может быть или «корпорацией» или «учреждением».

«Корпорация состоит из активных полномочных и равноправных деятелей. Они объединяются в единую организацию по своей свободной воле. Они имеют общий интерес и вольны признать его и отвергнуть. Если они признают его и входят в эту корпорацию, то они тем самым имеют и полномочие действовать для его удовлетворения. Они уполномочены формулировать свою общую цель, ограничивать ее, выбирать голосованием все необходимые органы, утверждать их и дезавуировать их... Кооперация начинается с индивидуума: с его мнения, изволения, решения; с его «свободы» и интереса. Она строится снизу вверх; она основывает все на голосовании; она организуется на свободно признанной (и соответственно свободно ограничиваемой, свободно отвергаемой) солидарности заинтересованных деятелей» [1, с. 26].

Таким образом, корпоративная форма организации пенитенциарного сообщества была свойственна ему в только начале его формирования. И здесь отчасти правы те исследователи, которые обосновывают (допускают) определенную преемственность пенитенциарного сообщества, от традиционной русской «тюремной общины» [10; 11]. Именно в ней общностью интересов выступало желание «жить за счет других». Высокая степень религиозности населения, не предусматривала широкого распространения такой идеи, даже среди лиц, отбывавших наказание в виде лишения свободы [12]. Ее проповедовали лишь те осужденные, которые никогда не имели навыка трудовой деятельности и для которых преступление, было образом жизни [13].

В тоже время общность интересов, может служить лишь определенной части осужденных, да и то, не большой промежуток времени (например период совместного пребывания в пенитенциарном социуме). Необходимы были такие механизмы консолидации, которые гарантировали не только сплоченность основной массы осужденных, но и долговечность этих отношений. Нахождение в изоляции предполагает установление осужденными определенных контактов с представителями администрации мест лишения

⁴ Зязин, С.Ю. Ресурсы и риски ресоциализации осужденных мусульман: социокультурный аспект: автореф. дис. ... канд. социолог. наук: 5.4.6. — Майкоп, 2023.

свободы. В данном случае мы не имеем в виду те контакты, которые обусловлены непосредственным процессом реализации наказания в виде лишения свободы. Отрицательную часть осужденных всегда интересовали исключительно те отношения с представителями администрации, которые давали возможность минимизировать ущерб от пребывания в изоляции от общества в пенитенциарном социуме [14].

Неустойчивая часть представителей администрации исправительного учреждения, тоже была заинтересована в наличии таких связей. Только контакты с консолидированной частью осужденных давали гарантию их негласного (конфиденциального) характера. Но исправительные учреждения потому и назывались «исправительными», что лица, помещенные в них, должны были своим поведением и честным трудом, идти к намеченной законодателем цели — исправления. Именно в этот момент лидеры пенитенциарного сообщества и были «вооружены» представителями государственных правоохранительных структур специфической идеологией, позволявшей решать совместные задачи лидирующей части пенитенциарного сообщества и представителей лидирующей части, персонала мест лишения свободы [15]. Этот период времени можно считать «переломным» — переход от «корпорации» в системе построения пенитенциарного сообщества к «учреждению» (в терминологии предложенной И.А. Ильиным).

«... жизнь учреждения строится не снизу, а сверху (даже и тогда, когда само учреждение — учреждено всенародным голосованием). Люди, заинтересованные в жизни этого учреждения, получают от него благо и пользу, но не формулируют сами, ни своего общего интереса, ни своей общей цели. Они не имеют и полномочия действовать от лица учреждения. Они “проходят” через него, но не составляют его и не строят его. Они пассивно принимают от учреждения — заботы, услуги, благодеяния и распоряжения» [1, с. 27]. «... учреждение строится по принципу опеки над заинтересованными людьми. Оно имеет свои права и обязанности, свой устав, свою организацию; но все это оно получает не от опекаемых; оно не отчитывается перед ними, и органы его не выбираются, а назначаются» [1, с. 27]. И поскольку пенитенциарное сообщество стало формироваться как учреждение, то и осужденные входящие в него, не могли управлять им по своему усмотрению. Оно стало фактически управляться внешними для пенитенциарного социума силами — администрацией исправительных учреждений, но с определенного рода оговорами. Лидеры пенитенциарного сообщества всячески убеждали основную массу осужденных в том, что пенитенциарный социум тем лучше организован, чем последовательнее он управляется небольшой группой людей (не может большая масса людей существовать без управляющего центра). Логика для не посвященных, была простой — принцип корпорации, делает систему не прочной и подверженной различным как внешним, так и внутренним факторам деструктивного воздействия. Для убедительности, представители пенитенциарного сообщества иллюстрировали свои нарративы конкретными примерами, произошедшими в «других исправительных учреждениях» или «какими-то конкретными осужденными», которые пытались выстроить систему неформальных отношений в пенитенциарном социуме на принципах «формальной демократии», но без учета требований пенитенциарного сообщества. В исправительных учреждениях с такой формой организации по утверждениям представителей пенитенциарного сообщества: «свирепствовал актив» и «страдали мужики». Осужденный же пытавшийся индивидуально противостоять организации сообщества как учреждения, объявлялся «врагом» всего пенитенциарного социума и всячески притеснялся, вплоть до совершения в отношении него преступления. Самыми распространенными формами устранения таких осужденных были «перевод» их в категорию «отвергаемого», либо совершения в отношении него преступления в собой жестокостью.⁵ Таким образом, формировалось

⁵ Уваров, И.А. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых с особой жестокостью в исправительных учреждениях: Учебное пособие / И.А. Уваров. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. — 48 с.

представление о том, что такая форма консолидации в «обход» пенитенциарного сообщества способствует снижению диапазона материальных возможностей отдельного осужденного и дезорганизует жизнедеятельности всего пенитенциарного социума. А как результат, это лишает каждого конкретного осужденного «свободы личности» и убивает в них «арестантский дух».

Объективно корпоративная форма организации сообщества требует от каждого осужденного понимания сущности пенитенциарных процессов. Желая участвовать в управлении сообществом, должен уметь управлять, прежде всего, самим собой, понимать сущность жизнедеятельности пенитенциарного социума. Нет этого — и общий интерес останется неосознанным, подменяется личными интересами каждого отдельного осужденного, а «принцип солидарности останется пустым словом», общая цель теряет свое значение, а полномочия будут подменяться «кулачным правом» [1]. Представители пенитенциарного сообщества понимали, что основная масса лиц, отбывающих наказание — это случайные люди. Большинство из них неспособны осознать и самостоятельно оформить свой общий интерес именно в силу этого, они и будут тем «электоратом» (лидеры пенитенциарного сообщества, красноречиво именуют их — «стадом»), который делает легитимной власть небольшой группы людей, отнюдь не представляющих их интересы в пенитенциарном социуме [1].

Расчет лидеров и идеологов пенитенциарного сообщества прост, практически все осужденные думают только о том, чтобы скорее, и с минимальными потерями для себя покинуть места лишения свободы. Они не хотят тратить силы и энергию, на борьбу за лидерство в пенитенциарном социуме. По справедливому утверждению И.А. Ильина: «Корпоративный строй склонен растрчивать народные силы; строй учреждения, если он на высоте, экономит их» [1, с. 28].

Подводя итог, необходимо отметить, что пенитенциарное сообщество, пока не была сформулирована специфическая идеология, могло рассматриваться как «корпорация», после ее появления, оно стало учреждением, потеряв тем самым свое первоначальное значение. Отсюда ошибка современных исследований пенитенциарного социума. Современные лидеры, готовы «нести, бремя ответственности за все сообщество», при условии, предоставления определенных привилегий в виде особых полномочий и благ. Увеличение объемов таких полномочий и благ, привело к тому, что в лидирующей группе стали концентрироваться лица, не только не стремящиеся к решению проблем сообщества (о пенитенциарном социуме, уже никто не говорит), но и чуждых этому сообществу в силу субъективного желания существовать за счет него [16]. И здесь стоит обратить внимание на тот факт, что проблемы жизнедеятельности всего пенитенциарного социума, просто «отошли на второй план».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин, И.А. Почему мы верим в Россию И.А. Ильин // Сочинения. — М.: Эксмо, 2007. — С. 23–30.
2. Кристи, Н. Опасные государства / Н. Кристи // Индекс/Досье на цензуру. — 2001. — № 13.
3. Анисимков, В.М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы / В.М. Анисимков. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. — 202 с.
4. Кутякин, С.А. Формирование криминальной оппозиции в русской тюремной общине (история и современность) / С.А. Кутякин // История государства и права. — 2007. — № 21. — С. 15–16.

5. Уваров, И.А. К оценке криминологического значения современной криминальной идеологии / И.А. Уваров // История государства и права. — 2014. — № 5. — С. 58–63.
6. Гумилев, Л.Н. Конец и вновь начало / Л.Н. Гумилев. — М.: АСТ, АСТ Москва, 2007. — 356 с.
7. Уваров, И.А. Солидаризация пенитенциарного сообщества как особый вид социально-коммуникативных связей / И.А. Уваров // Теория и практика общественного развития. — 2020. — № 7(149). — С. 40–43.
8. Уваров, И.А. Пенитенциарная социализация осужденных на основе неформальных идеологических установок / И.А. Уваров // Социально-гуманитарные знания. — 2006. — № 11. — С. 48–56.
9. Кучинский, А.В. Преступники и преступления. Законы преступного мира. Обычай. Язык. Татуировки / А.В. Кучинский. — Донецк: Сталкер, 1997. — 356 с.
10. Кутякин, С.А. Формирование криминальной оппозиции в русской тюремной общине (история и современность) / С.А. Кутякин // История государства и права. — 2007. — № 21. — С. 15–17.
11. Кутякин, С.А. Противодействие «воровской» общине в исправительно-трудовых лагерях СССР (1930–1960 гг.) / С.А. Кутякин // История государства и права. — 2008. — № 3. — С. 34–35.
12. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке: исследования и наблюдения над жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. Исторический очерк сибирской ссылки. Сравнение разных систем наказания у нас и в Западной Европе. Основы новой рациональной системы исправления согласно выводам пенитенциарной науки и опытам русской тюремной общины. — С.-Пб.: Типография А. Моригеровского, 1872. — 446 с.
13. Максимов С. Сибирь и каторга: в трех частях: ч. 1. — С.-Пб.: Типо-литография Н. Стефанова, 1891. — 386 с.
14. Уваров, И.А. «Положенец» и его место в системе структурообразующих признаков пенитенциарного сообщества / И.А. Уваров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2021. — № 9. — С. 65–70.
15. Уваров, И.А. Значение научных знаний в формировании идеологии пенитенциарного сообщества / И.А. Уваров // Юрист Юга России. — 2011. — № 1. — С. 56–59.
16. Уваров, И.А. Методологические подходы к измерению неравенства среди осужденных в пенитенциарном социуме / И.А. Уваров // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2023. — Т. 14, № 4.

Uvarov Igor Alekseevich

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Stavropol, Russia

E-mail: uvarov.igor@mail.ruORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2678-7505>RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=456707

Transformation of the form of organization of the penitentiary community

Abstract. Punishment in the form of imprisonment traditionally refers to the most problematic form of social activity. One of the main problems in the specialized literature is the presence of the so-called penitentiary community. This social community has a negative impact not only on the life of a contour convict in a closed penitentiary society, but also creates conditions under which the implementation of this type of punishment acquires an exclusively negative character. An attempt to solve the problem of opposition to the correctional process by representatives of the penitentiary community, penitentiary criminologists and sociologists have not been able to unequivocally establish its nature. Two different conceptual approaches to defining the nature of the penitentiary community have been formed in the literature. The author of the article refers to those scientists who believe that the penitentiary community was formed not by the convict himself, but by representatives of law enforcement agencies in order to control the criminally active part of the country's population. As a starting point, the author chose the work of the famous Russian philosopher I.A. Ilyin, in which he proposed to consider social communities by the nature of their formation based on their social purpose — «institution» or «corporation». The article attempts to apply the conceptual approach proposed by I.A. Ilyin. As a result of the analysis, the author came to the conclusion that at the stage of formation of the penitentiary community, «formal democracy» was used as the basic principle. The convicts included in the penitentiary community were peculiar representatives of the entire penitentiary society — the «corporation». However, over time, when socio-economic relations in the state began to change, in the organization of the penitentiary community, trends towards transformation began to be traced — the «institution».

Keywords: penitentiary community; penitentiary society; organization of the penitentiary community; formation of the penitentiary community; social nature of the penitentiary community; transformation of the organization of the penitentiary community; trends